

Съ развѣдчиками 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголіи.

(Дневникъ начальника команды развѣдчиковъ 30-го Сиб. стрѣлк. полка)

(Продолженіе ¹⁾).

Глава II.

Не скоро изгладится изъ памяти зимній переходъ по льду застывшаго Енисея, отъ дер. Означенной до поселка Усть-Усинскаго, и дальше, до самой границы. Рано утромъ, когда все окружающее еще тонетъ въ непроглядной пеленѣ морознаго тумана, теряется всякое представленіе о мѣстѣ и времени. Кажется, какъ будто глаза еще смыкаются тяжелымъ сномъ. Но вмѣсто копоты и духоты тѣснаго зимовья дышеть острымъ пронизывающимъ холодомъ зимняго утра. Изъ-за темныхъ грядъ вспыхнули краснымъ пламенемъ лучи солнца. Кружится вѣтеръ — подулъ съ юга леденящій «хивусъ». Разорвалась завѣса тумана и справа и слѣва выступаютъ очертанія отвѣсныхъ каменныхъ пластовъ. Мѣстами зияютъ глубокіе провалы, разрывы, загро-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 1.

можденные обломками сизыхъ скалъ. Еще кое-гдѣ кипятъ ключи, но уже устья горныхъ рѣчекъ застыли, образовавъ причудливыя ледяныя наслоенія голубого или зеленого цвѣта.

Ущелья и береговья террасы заросли высокимъ кедрачемъ и мелкимъ подлѣскомъ. По скатамъ горъ темнѣютъ лиственницы, вдоль берега сѣрбуютъ поросли топольника. А выше надъ головой, надъ верхушками могучихъ елей и кедровъ, надъ громадами береговыхъ обрывовъ, загораются въ блескѣ холоднаго зимняго солнца зубчатые гольцы. Это они, неподвижные, мертвые, остались нѣмыми свидѣтелями того титаническаго чудовищнаго переворота, когда осѣли, раздались каменные нѣдра Саянскаго хребта, и дикіе бурливые потоки Енисея прорвали на сотни верстъ неприступныя горы и разлились широкимъ потокомъ по простору Минусинскихъ степей.

И вотъ по дну этого глубокаго, обмерзнувшаго корридора длинной лентой растянулся отрядъ. Впередѣ лучшіе ходоки—дозоры. На ихъ обязанности не терять дороги, еле обозначенной слѣдами саней, да изрѣдка конскимъ пометомъ. Движеніе еще не установилось, и мѣстами на гладкой ледяной поверхности слѣды совершенно исчезаютъ. Трудно двигаться по гладкому, какъ зеркало, льду. Скользятъ ноги; рѣзкіе порывы вѣтра, прямо на встрѣчу, рвутъ и треплютъ людей. Еще хуже по торосу. Тамъ, гдѣ сильными напорами теченія ледяныя глыбы ломало, напирало одну на другую, образовались нагроможденія, наслоенія ледяныхъ массъ. Глыбы выше сажени торчатъ почти отвѣсно, иногда какъ бы висятъ въ воздухѣ. Мѣстами морозъ еще не успѣлъ сковать глубокія трещины, и слышно, какъ кипятъ и клокочетъ вода. Извилистой линіей, какъ по лабиринту, извиается путь по торосу.

Кони то завязаютъ въ сугробахъ наметеннаго снѣга, то попадаютъ въ расщелины. Сани лишь съ трудомъ, на рукахъ, протаскивались черезъ острия ребра тороса.

Лишь въ полдень косые лучи солнца проскальзывали изъ-за далекихъ горъ, и феерическимъ блескомъ загоралась тогда мертвая долина скованной рѣки. Зелеными и синенькими вспышками играли лучи на изломахъ ледяныхъ кристалловъ. Казалось, что переживаешь одну изъ сѣверныхъ сказокъ Андерсена.

А изрѣдка въ безмолвной тишинѣ раздается гулкій ударъ, точно звукъ отдаленнаго орудійнаго выстрѣла. Могучимъ грохотомъ вторить ему отголосокъ темныхъ ущелій. Еще и еще! Что это? Вѣроятно такъ гремѣли единороги русскихъ на льду Ботническаго за-

лива, такъ грохотали лавины въ альпійскихъ горахъ, когда по нимъ проходили войны Аннибала...

То было давно. Вьюгу и стужу, горы и рѣки—все преодолевала воля человека. Такъ будетъ и теперь, куда бы ни послали русскаго солдата.

Для приваловъ выбиралось укромное мѣсто возлѣ лѣсистыхъ береговыхъ утесовъ, защищающихъ отъ ледяного вѣтра. Въ нѣсколько минутъ закипали чайники на яркомъ огнѣ костра изъ валежника. Густой кирпичный чай съ сухарями, разогрѣтые мясные консервы и по куску сала—вотъ въ чемъ состояла наша обѣденная порція. На отдыхъ и на обѣдъ давалось 30—40 минутъ, а затѣмъ отрядъ продолжалъ движеніе съ такимъ расчетомъ, чтобы къ ночи прибыть на мѣсто ночлега.

Отъ дер. Означенной до устья рѣки Кантегира русло Енисея идетъ почти въ меридіональномъ направленіи. Съ правой стороны въ Енисей вливаются небольшія горныя рѣчки Сизая и Голубая, а съ лѣвой—Дусой. Устья этихъ рѣчекъ сопровождаются неширокими береговыми террасами, на которыхъ виднѣются жилища постройки, расчищенные площадки подъ пашни и посѣвы. Здѣсь живутъ отдѣльными хозяйствами займщики. Въ теченіе лѣта они занимаются заготовкой лѣса, сѣна, рыбной ловлей, а зимой, съ началомъ саннаго пути, каждая займка превращается въ заѣзжій дворъ. Голодный, озябшій путешественникъ находитъ ночлегъ въ теплой избушкѣ, въ которой устроены нары на 25—30 человекъ; бойкая расторопная хозяйка всегда имѣетъ запасъ мерзлыхъ шанегъ или пшеничнаго хлѣба, а въ чистой, хозяйской, половинѣ накрывается столъ, подается самоваръ и дымящаяся сковорода съ вкусной верещагой или зажаренными въ яйцахъ харіусами.

Первую ночевку мы устроили на кордонѣ, послѣ 30-верстнаго перехода, а на слѣдующій день отрядъ успѣлъ пройти слишкомъ 50 верстъ и, миновавъ зимовье Крутой поворотъ, мы поздней ночью пришли на Сигово.

Во время приваловъ и ночлеговъ я знакомилъ развѣдчиковъ съ характерными особенностями той мѣстности, по которой намъ приходилось двигаться, объяснялъ имъ способы ориентироваться по компасу, по звѣздамъ, толковалъ имъ о картѣ, про масштабъ. Иногда къ нашимъ бесѣдамъ благосклонно прислушивались мѣстные охотники, жители займокъ, и охотно вступали въ разговоръ.

«Комнасъ, конечно. дѣло хорошее!» говорили намъ эти опытные звѣроловы; «но только въ тайгѣ, гдѣ стало быть черемши много, стрѣлка зря только крутится. Въ тайгѣ надо разбираться по знакамъ, по вѣтру, по сугробамъ, по суметамъ снѣгу. Замѣчай какъ трава прилегасть, куда вѣтки пригнулись. А за звѣремъ, за соболемъ, али колонкомъ выслѣживаешь—примѣчай знаки, снимай слѣдъ, гдѣ мохъ утоптаннѣй, гдѣ волоски пристали».

Такіе рассказы приносили намъ большую пользу. Съ неослабѣвающимъ вниманіемъ прислушивались солдаты къ повѣствованіямъ бывалыхъ таежниковъ о томъ, какъ въ погонѣ за дорогимъ соболемъ имъ приходилось иногда блуждать по цѣлымъ недѣлямъ въ невѣдомыхъ дебряхъ Кантегирской тайги.

«Слышь, Груня, доставай-ка послѣднихъ соболей!» обратился охотникъ къ бабѣ, хозяйкѣ зимовья. Та изъ окованнаго желѣзомъ сундука достала шкурки и, торжествуя, показала намъ трофей охоты. Солдаты залюбовались бархатисто-темной шкуркой, отливающей серебрянымъ блескомъ.

«Мнѣ вотъ довѣренный Вильнеръ 150 рублей носушилъ, да не отдамъ, цѣна неподходящая», продолжалъ охотникъ. «Учужала его собака, гнался по слѣду почти три дня, почитай весь Кандырсукъ вывершилъ. Добылъ его, наконецъ; обратно нужно, потому запасъ весь вышелъ, а тутъ сорвался съ камня, лыжи попортилъ. Почевать пришлось. Всю ночь россомахи воють, а волчьи глаза, окаянныя, какъ фонарики зеленые, свѣтятся. А всего три заряда осталось. И не чаялъ, что домой удастся вернуться; боялся, растерзають проклятые».

По словамъ нашихъ таежниковъ, добываніе пушнины дѣлается все труднѣе и труднѣе. Цѣна на соболя, колонка, горностая растетъ съ каждымъ годомъ, но чуткѣй звѣрь уходитъ все дальше, и во многихъ мѣстахъ его уже совершенно истребили.

«Много нынче шляется этихъ сойоть проклятыхъ по всѣмъ ключикамъ Казырсука, Кантегира. Ружье у него самодѣльное, кремневое, рѣдко у кого шстонное, а бьетъ онъ, чортъ глазастѣй, съ подставки безъ промаху. А охотники они почище нашихъ—онъ издали съ хребта на хребетъ, съ камня на камень, верстъ на 7 видитъ стадо джимвовъ или кабаргу, пересчитаетъ, подползетъ и бьетъ безъ промаху. Или вотъ по слѣду на землѣ или на снѣгу, придавленному лодыжкой медвѣдя, узнаетъ и скажетъ тебѣ—сердитѣй или нѣтъ медвѣдь, старый или молодой волкъ. А то петлю поставитъ, на лилицу али колонка—ни за что звѣрю не вырваться».

«Старики наши, сказывали, торговали у нихъ въ давніе года пушнину. За котелокъ или чайникъ, сколько въ него этой пушнины вѣзеть, столько и берутъ. За бутылку спирту или пороху тоже охотно отдавали, хочешь лису чернобурю, хочешь соболей пару. А бѣлку, ту и не считали. Теперь же всю добычу свою на албанъ къ себѣ увозятъ, русскимъ не продаютъ».

«А въ тайгѣ, на охотѣ приходится встрѣчаться съ ними?»

«Приходится, какъ не приходится...», и глаза охотника сверкнули зловѣщимъ блескомъ.

Отъ устья Кантегира, какъ уже показывается названіе зпмовья «Крутой поворотъ», направленіе Енисея рѣзко мѣняется. Глубокая трещина рѣчного русла послѣ широкаго просвѣта лѣсистой долины Кантегира вновь суживается.

Съ обѣихъ сторонъ опять нависли отвѣсныя кручи горныхъ массивовъ и, несмотря на неожиданные изгибы и повороты, главное направленіе прорыва идетъ теперь на юго-востокъ.

Мы приближаемся къ самому опасному мѣсту Енисея, къ устью рѣчки Казыр-Сука. Здѣсь теченіе Енисея изобилуетъ рядомъ страшныхъ пороговъ: выше Казыр-Сука—Большой порогъ, ниже его версть на десять—Дазушкинъ порогъ. Между ними знаменитая Федосова яма.

Съ послѣдняго ночлега мною были посланы нѣсколько развѣдчиковъ, съ топорами и веревками, для того, чтобы приготовить переправу въ томъ случаѣ, если ледъ съ береговъ окажется сорваннымъ напоромъ теченія. Они должны были нарубить съ десятокъ лѣсницъ и укрѣпить ихъ къ камнямъ; за ночь лѣсныя примерзаютъ и такимъ образомъ получилась бы переправа для лошадей и саней.

Мрачное подавляющее впечатлѣніе производитъ темное ущелье Казыр-Сука. Громадной величины гранитные валуны, цѣлые обломки скалъ раскинулись въ хаотическомъ безпорядкѣ вдоль устья рѣки. Воды Казыр-Сука застыли; бѣшенный порывъ его скованъ ледянымъ дыханіемъ мороза и получилась сказочная картина круглыхъ ледяныхъ глыбъ, нагроможденныхъ одна на другую.

На вершинѣ гранитнаго обрыва высится часовенка—это золото-промышленникъ Чирковъ воздвигъ ее въ память своего спасенія отъ неминуемой гибели въ бурныхъ волнахъ Енисея.

А память другой жервы долга такъ и осталась забытой. Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ во время полевой поѣздки погибъ въ ревущихъ истокахъ Казыр-Сука полковникъ генеральнаго штаба Серебряковъ. Товарищу его, Гершельману (тогда начальнику штаба Сибирскаго военнаго округа), удалось спастись, а трупъ Серебрякова, обезображенный, изуродованный, былъ выброшенъ теченіемъ на берегъ, гдѣ его и нашли жители ближайшаго зимовья.

Не страшна смерть тамъ, гдѣ передъ взглядомъ человѣка развертываются грозныя, стихійныя силы природы, но память о людяхъ, поборовшихъ ужасъ смерти величіемъ духа, должна быть священна для насъ.

И быть можетъ эти строки вызовутъ въ памяти людей, знавшихъ полковника Серебрякова, сознание о необходимости увѣковѣчить мѣсто его гибели хотя бы крестомъ гранитнымъ....

Кипитъ вода надъ Федосовой ямой; режутъ и хлопочутъ воды Енисея. Изъ подъ ледяныхъ пластовъ вырывается клубами водяная пыль и расплывается вверхъ холоднымъ туманомъ. Эта полынья надъ пропастью бездонной, не замерзающая въ самую лютую зиму.

Быль, говорятъ старожилы, Федосовъ, парень такой безшабашный, хотѣлъ онъ дно измѣрить омута страшнаго, да прогнѣвилъ, знать, Бога и завертѣло его, потянуло на самое дно ямы неизвѣданной. Съ тѣхъ поръ и мѣсто это прозывается Федосовой ямой.

Молодцы мои успѣли уже за ночь поработать, какъ слѣдуетъ. Они нашли узкую наледь между береговыми утесами, укрѣпили ее срубленными деревьями. За нѣсколько часовъ лѣсины примерзли и образовался узкій карнизъ, по которому съ большими усиліями, на рукахъ, перетасили обозъ. Коней вели въ поводу. Пугливо они озирались по сторонамъ и неуверенно перебирались дрожащими ногами между обломками камней и ледяныхъ глыбъ.

Благополучно миновавъ опасное мѣсто, мы съ облегченіемъ вздохнули и пустились полнымъ ходомъ въ дальнѣйшій путь.

На другой день нужно было прибыть въ поселокъ Усть-Усинское и приступить къ выполнению возложенныхъ на меня порученій.

Последнее, полученное мною черезъ парочнаго, приказаніе начальника отряда гласило слѣдующее:

«Если дойдете до Усть-Усинскаго раньше меня и развѣдкой установите, что дѣйствительно стоятъ караулы урянховъ, пошлите человѣкъ 10 съ переводчикомъ передать караулу приказаніе уйти, предупредивъ, что черезъ пять дней, если не уйдутъ, они будутъ отвѣчать за послѣдствія».

Угрюмыя горы и мрачныя утесы нраваго берега Енисея отодвинулись назадъ, и къ востоку развернулась широкая долина Усинскаго займища. Потянуло дымомъ. Надъ самымъ обрывомъ показались темныя кучи назему, ограбы и прочныя хозяйственныя постройки Моховскаго жилья, съ тесовыми крышами и свѣтлыми окнами. Въ поселкѣ оказалось до 15 дворовъ. Повсюду кипѣла жизнь. Площадь и дворы были запружены подводами усинскихъ крестьянъ. Павстрѣчу намъ высыпали дѣтишки, забѣгали бабы. На задворкахъ мычали коровы, пѣли пѣтухи.

Съ низкими поклонами встрѣтилъ насъ старшина поселка, Иванъ Моховъ, крещеный татаринъ, съ хитрыми раскосыми глазками и рѣденькой козлиной бородкой. Для солдатъ были приготовлены квартиры и, главное, баня.

Въ домѣ у Мохова все было но культурному. По праздничному теплились лампы передъ иконами въ богатыхъ окладахъ. Въ большой уютной комнатѣ, уставленной вѣнской мебелью и цвѣтами, былъ приготовленъ столъ, накрытый бѣлоснѣжной скатертью. Весело пыхтѣлъ самоваръ. Суетилась хозяйка, разставляя подносы съ румяными булками и вазы съ домашнимъ вареньемъ.

Видно, что ждали гостей. Къ вечеру зазвенѣли бубенчики. Приѣхалъ начальникъ отряда, а вслѣдъ за нимъ прибылъ и представитель мѣстной власти, начальникъ усинскаго пограничнаго округа, штабсъ-капитанъ Ч—въ. Такимъ образомъ, въ заимкѣ Мохова сосредоточились всѣ силы, мобилизованныя Россіей для борьбы съ коварнымъ Хейдубой. Пограничный начальникъ, много лѣтъ прослужившій въ тыловыхъ учрежденіяхъ войскъ Дальняго Востока, сразу обнаружилъ недюжинныя административныя способности. Изъ глубокихъ нѣдръ его крытаго возка появились тюки и корзинки и скоро въ ярко освѣщенной столовой засверкали пестрые этикетки всякихъ винъ и наливокъ, консервы, банки съ соленьями и т. д.

По словамъ штабсъ-капитана, настроеніе у мѣстнаго населенія крайне угнетенное и тревожное. Опасаются агрессивныхъ дѣйствій

со стороны урянховъ. Съ пріисковъ и отдаленныхъ заимокъ семьи уже отправлены для безопасности на Усть; многія лица хотять даже выбраться и оттуда. Имѣя въ своемъ распоряженіи всего только шесть казаковъ, Ч—въ, конечно, не могъ ничего предпринять для успокоенія населенія. На всякій случай онъ распорядился собрать дружицу, существующую на Усу еще съ 1900 года, въ числѣ 60 человекъ, вооружилъ ее берданками и надняхъ она должна прибыть въ Усть-Усинское, чтобы поступить въ распоряженіе начальника экспедиціи.

Мнѣ было приказано сейчасъ же отрядить 2 лучшихъ развѣдчиковъ для отправки въ село Усинское, чтобы помочь сельскимъ властямъ въ дѣлѣ организаціи этой «національной гвардіи».

Б. Августусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

